

5. Святогор А. «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм / А. Святогор // Биокосмист. – 1922. – № 3–4. – С. 3–21.
6. Святогор А. Наши утверждения / А. Святогор // Биокосмист. – 1922. – № 1. – С. 3–4.
7. Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии. – 1990. – № 9. – С. 80–98.

Надійшла до редколегії 02.12.09

ББК 141.131

Е. В. Медкова

Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск)

ИДЕЯ СЧАСТЬЯ У ПЛОТИНА И Г. С. СКОВОРОДЫ

Обгрунтовано думку про те, що ідея щастя у Плотіна і Г. С. Сковороди містить не тільки етичний, але й більш широкий, духовно-онтологічний контекст.

Ключові слова: щастя, етика, благо життя, Бог, єдине.

Обосновано положение о том, что идея счастья у Плотина и Г. С. Сковороды содержит не только этический, но и более широкий, духовно-онтологический контекст.

Ключевые слова: счастье, этика, благая жизнь, Бог, единое.

The position is motivated that idea of happiness beside Plotin and G. Skovoroda contains not only ethical, but also broader, spiritual-ontological context.

Keywords: happiness, ethics, a good life, the God, uniform.

Актуальность темы. Вопрос об этической категории «счастье» принадлежит к коренным вопросам человеческого существования. Она составляет одну из самых постоянных и в то же время динамичных установок морального сознания. И попытки осмыслить данный вопрос сопровождают всю историю человечества. Несмотря на то что проблема счастья исследуется давно, каждый раз находят новые аспекты ее познания. Особую актуальность проблема счастья обрела в современном обществе.

Современный человек обладает могущественной технической силой. При всех положительных качествах этой технической мощи, он способен уничтожить созданную тысячелетиями цивилизацию, погубить себя как биологический вид и даже положить конец самой жизни на планете. Тенденции и перспективы развития общества оставляют открытыми глобальные проблемы современности и ограничивают временные параметры их решения.

Углубляющееся социальное неравенство, расшатывание нравственных основ бытия, низкий уровень правовой и политической культуры, девальвация традиционных ценностей, надвигающаяся экологическая катастрофа, отсутствие консолидирующей общественной идеи порождают состояние смятения, фрустрацию, что позволяет говорить о мировоззренческом кризисе личности и общества. Итак, *целью* данной статьи является теоретическая компаративистика содержательных аспектов гедонизма и эвдемонизма в неоплатонической и украинской метафизике.

Состояние исследования темы. Тематику соотношения неоплатонической (а также шире: античной и христианской) и украинской философских традиций исследовали: А. К. Бычко, Б. И. Бычко, И. В. Бычко, В. С. Горский, С. Б. Крымский, В. М. Ничик, М. В. Попович, Т. Н. Талько, В. И. Шинкарук и др. Авторы подчеркивают, что именно через неоплатоническое наследие украинская мысль впитала в себя такие качества, как кордоцентризм миропредставления, барочность дискурса с уклоном в сторону антропологически ориентированной аксиологии.

Основная часть. Григорий Сковорода – один из мыслителей, искавших пути трансформации общества в направлении высоких моральных идеалов. Г. С. Сковорода предлагает свою формулу: быть счастливым – значит познать себя, то есть свою природу, взяться за свою судьбу и делать свое дело.

Философ придавал большое значение идее самопознания как необходимому условию счастливой жизни человека. При этом в учении Г. С. Сковороды самопознание тесно связывается с познанием вообще. Свои мысли он образно иллюстрирует в трактате «Наркисс». Человек в итоге своих усилий, через любовь к себе и самопознание должен полюбить и познать «натуру», «древо жизни», «истину бытия». Однако самопознание украинского философа не было призывом к субъективному копанию в собственной душе, в самом себе. Теория познания в том виде, в каком ее развивал Сковорода, представляет учение о познании человеком окружающего мира через познание себя как части бытия, через выяснение познавательных возможностей человека в общении с объективной действительностью. Так, человек в наследии Сковороды – цель философии и ключ к тайнам бытия. Эта идея тесно связана с онтологическими представлениями украинского философа: «Я верю и знаю, что все то, что существует в великом мире, существует и в малом...» [3, с. 11].

Другими словами, согласно представлениям Сковороды, все, что совершается в мире – макрокосме, находит свое отражение в человеке – микрокосме. С позиций учения мыслителя, возможности познания мира человеком ничем не ограничены. Стремление человека к познанию отождествляется со стремлением человека к богу без посредников, т.к. богом является сама природа, а человек – ее творение, познавая бога, познает самого себя.

Здесь можно провести параллель с учением основателя неоплатонизма Плотина. Он утверждает, что сфера истинного бытия открыта для души, ей нужно только уметь вернуться к самой себе, познать свою истинную природу. Т. е. на вопрос – как достижимо счастье? – Плотин отвечает, что подлинное блаженство целиком связано с жизнью ума, и подлинное для души – посредством ума воссоединиться с первоначалом, в силу чего здешняя жизнь может быть хороша и добродетельна ровно настолько, насколько удастся уберечься от неизбежного в мире времени зла. Таким образом, тяготение к интеллектуализации этической сферы проявляется у Плотина, как и у Сковороды, в том, что формулы нравственного совершенствования вписываются у него в императив самопознания.

В связи с идеей о познании как стремлении человека к Богу, важно отметить, что трактовка понятия «бог» в воззрениях Сковороды близка к трактовке понятия «единое» у Плотина. Бог Сковороды является первоосновой всего сущего – «высшая всех причин причина». Он – вечное начало – неуловим и невидим, так как он присутствует во всем, не является ни частью, ни целым, не имеет меры, временной и пространственной характеристики. Бог – это природа и вся жизнь, мир, бытие, то

есть все то, с чем человек сталкивается в своей жизни и деятельности, все, что существует помимо человека и в самом человеке. Бог бытие всему и сам по себе бытие. Он «везде». Бог – это вечное единство. «Сия невидимая натура или Бог всю тварь пронизывает и содержит» [3, с. 148]. Бог – это природа и, по словам Сковороды, нельзя найти Богу более подходящего имени, нежели это.

Началом же всего у Плотина является Единое. Оно одно и по существу своему едино. Это – первоначало, от которого все зависит, но само оно не зависит ни от чего. Единое совершенно, всегда пребывает в самом себе, самодостаточно, оно выше всего и в то же время присуще всему в том смысле, что всякое единство, на котором держится все в мире, будь то единство живых организмов, общественного устройства и тому подобное, происходит от него. Единое есть Бог, только оно заслуживает этого имени без оговорок. Единое – это Бог, Отец, абсолютное и т.д. Но чаще всего о нем, помимо того, что оно Единое, Плотин говорит, что оно есть Благо. Это означает, что Первоединое не только то, от чего все зависит и к чему все сводится, но и то, к чему все стремится.

Таким образом, разобрав вопрос о Боге, т. е. определив, к чему должен стремиться человек, нужно теперь выяснить, каким же путем идти человеку, чтобы достичь блаженства воссоединения с вечным началом.

Сковорода утверждает, что нужно идти путем познания своей внутренней природы через познание внешнего мира. Познание природы и самого себя является одной из черт натуры человека, особенностью и назначением рода человеческого. Целью же познания внешнего мира, природы является не описание отдельных предметов, а вскрытие их невидимых натур – постижение их внутреннего смысла, ибо через внутреннюю сущность отдельных вещей можно постичь «тайные пружины развития всей Вселенной». О двух натурах Сковорода говорит в трактате «О Боге»: «Весь мир состоит из двух натур: одна – видимая, другая – невидимая. Видимая натура называется тварь, а невидимая – бог. ... У древних бог называется ум всемирный. Ему ж у них были разные имена, например: натура, бытие вещей, вечность, время, судьба, необходимость, фортуна и пр. А у христиан знатнейшие ему имена следующие: дух, господь, царь, отец, ум, истина, ... Что касается видимой природы, то ей также не одно имя, например: вещество или материя, земля, плоть, тень, и пр.» [2, с. 113]. Таким образом, человеческое счастье Сковорода рассматривает через сущность внутренней природы человека. В самопознании он видел богопознание, в котором искал истинного человека, подобного Богу, поскольку считал, что знание человеком законов природы, полное освобождение от заблуждений и пороков в результате самопознания и самосовершенствования делает его «богоподобным».

У Плотина мы также находим различие двух планов бытия: внутреннего – истинно сущего, сокрытого, нравственно определенного, и внешнего – феноменального, игрового, по сути, безразличного к нравственным определениям. Нравственное совершенство представляет собой исключительно некоторое внутреннее состояние души, точнее, ума. Плотин говорит: «Видеть блаженство в деяниях означало бы полагать его вне добродетели и души. Дело же души – рассуждение и все подобное этому. Это и значит быть блаженным» [1, с. 10]. Благая же жизнь есть жизнь «умная», и в своем стремлении к ней моральный субъект в пределах своего эмпирического существования ставит перед собой задачу отрешения от привязанностей к незыскательно-естественной стихии жизни. Плотин называет смешным представле-

ние о счастье как о благополучии в смысле телесно чувственного благоденствия. Очищение души от низших интенций предстает как моральная задача субъекта в его эмпирическом бытии. Катарсическая и аскетическая установки нравственного сознания реализуются в системе четырех кардинальных добродетелей. Первый уровень осуществления добродетелей души – гражданские добродетели (благоразумие – способность к рассудочной деятельности, мужество – умение разумно управлять вожделеющей частью души, целомудрие – единство и гармония чувственной и разумной частей души, справедливость – воздаяние каждой из частей души возможности править и быть управляемой в соответствии с ее природой) реализуются в умерении страстей. Цель их – жизнь в соответствии с природой. Более высокие – созерцательные добродетели, или очищения, отчужденные от телесных деяний и связанных с телом страстей, т. е. добродетели души, направленные к истинно сущему, утверждаются в бесстрастии. Их цель – «уподобление Богу». Третий род добродетелей уже близок к уму, он определен через мудрость, т. е. «созерцание того, что есть в уме». Высший, четвертый вид добродетелей – это уже не добродетели души, а добродетели ума. В уме находятся не добродетели, а эйдосы, парадигмы нравственной жизни. Таким образом, добродетели души оказываются формами ее обращения к уму и освещения ее светом ума. Отсюда этическая цель человека, по Плотину, – пройти по ступеням бытия от чувственного мира к Единому до полного слияния с ним. «Итак вознесемся вновь к Благу, к которому стремится всякая душа. Если кто видел его, тот знает, каким образом оно прекрасно, ибо оно, как Благо, желанно, и к нему чувствуется тяготение. Достигает же его тот, кто восходит вверх, обращается к нему и снимает с себя одежды, которые надеваем, сходя вниз, подобно тому, как входящие в Свята Святых предварительно должны очиститься, снять одежды и войти обнаженными» [1, с. 7]. Бегство отсюда туда, из чувственного мира в божественный, означает освобождение души от тела. Но само освобождение нельзя понимать как бегство от земной жизни, как избавление от тела и движение навстречу к смерти; Плотин даже осуждает тех, кто сознательно убивает свое тело, насильно порывает связи с чувственным миром, полагая, что в этом случае Душа перекладывает на тело свою вину. Освобождение в том, чтобы правильно прожить саму земную жизнь, не давая чувственному миру власти над собой. Надо убежать не от земной жизни, а от порока. Речь идет, следовательно, не о пространственном процессе, а о внутреннем очищении, гнозисе. Задача состоит в том, чтобы не ценить чувственное больше, чем душу, т. е. самих себя, отрешиться от всего происходящего, ничтожного и, помня о своем высоком происхождении и достоинстве, углубиться в себя, ориентируясь на сверхчувственные сущности горних сфер, а через них на само Благо. «Блага же Душа может достигнуть посредством добродетелей, но не тех, которыми она удерживает и укрепляет свою связь с телом, а тех, которыми она очищается от всего телесного, восходя к Духу и Благу» [1, с. 3].

Возвращаясь к тезису о том, что счастье не сводится к благополучию как телесно-чувственному благоденствию, следует отметить, что, как и Плотин, Сковорода не связывает умножение человеком своих познаний с ростом материальных потребностей, удовлетворение которых понимается как достижение человеческого счастья. Скорее наоборот: чем лучше человек познает самого себя и окружающий его мир, тем разумнее и скромнее должны быть его потребности. Эта мысль особенно ярко выражена в «Притче, нареченной «Евродий»: «Будь доволен малым. За многим не

гонись. Сетей, простертых на лов, вельми берегись. Я вам предсказываю – роскошно не жить! На таковых-то всегда закидывают сети. Триста пали в неволю по горячей страсти, шестьсот плачут в болезнях за временны сласти» [3, с. 118]. Таким образом, в учении Сквороды счастье человека не связывается с все более полным удовлетворением его потребностей, а ведь именно так понимается счастье как западным обществом потребления, так и обществом, строившим до недавнего времени социализм. У Сквороды понимание счастья имеет более глубокие корни. Суть счастья он связывает с образом жизни самого человека. Наиболее полно эта суть раскрывается через изречение Сократа: «Иной живет на то, чтоб есть, а я – де ем на то, чтоб жить», – которым Скворода открывает свой трактат «Икона Алкивиадская» [3, с. 7]. Своим пониманием счастья украинский философ как бы защищает человеческую природу от примитивного ее сведения к потреблению и своекорыстию. Сам он избрал такой образ жизни, который, по его словам, помогал ему «не жить лучше», а «быть лучше».

Выводы. Вполне уместным будет сравнение жизни украинского мыслителя с образом эмпирической жизни как театра, игры масок Плотина, только косвенно задевающего «человека внутреннего». Здесь будет актуален постулат «будь самим собой». Плотин говорит об этом же: благом для любого сущего, как и его добродетелью, было его собственное бытие в свойственном ему эйдетическом выражении. В VI Эннеаде он утверждает: «Сродность самому себе есть благо для себя» [1, с. 27]. Как и Плотин, Скворода призывает вернуться к самим себе, познать свою истинную природу, ведь человек совершает прекрасные поступки и счастлив только тогда, когда он согласует свое поведение и образ жизни со своими природными склонностями. Только как можно одержать победу в борьбе в стремлении сохранить себя и быть счастливым в несвободном обществе, пропитанном корыстью и пошлостью? Это возможно путем перенесения акцента в жизнедеятельности человека с материального обогащения на духовные ценности, при этом необходимо желание наполнить свою жизнь любовью стремления познавать истину, делать добро, ценить и любить красоту, самореализуясь во всех своих проявлениях, трудясь физически и духовно, испытывая радость творца.

Библиографические ссылки

1. Плотин. Эннеады / Плотин. – М., 1995.
2. Скворода Г. С. Сочинения : в 2 т. / Г. С. Скворода.– М., 1973. – Т. 1.
3. Скворода Г. С. Сочинения : в 2 т. / Г. С. Скворода – М., 1973. – Т. 2.

Надійшла до редколегії 17.12.09

УДК 165.242

И. В. Павленко

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ПРОБЛЕМАТИКА ПРЕДМЕТНЫХ ФОРМ

© Павленко И. В., 2010